

Василий Нарезный

Невеста под замком

Василий Нарезный
Невеста под замком

«Public Domain»

1824

Нарежный В. Т.

Невеста под замком / В. Т. Нарежный — «Public Domain», 1824

В комическом фарсе «Невеста под замком» высмеивается скупость, чванливость, ограниченность богачей – ювелира и врача, немцев, наводнивших в XVIII в. Россию в поисках наживы.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Василий Трофимович Нарезный

Невеста под замком

I

Комната ювелира Руперта, который, разлегшись на софе, курит табак. У окна сидит племянница его Розина и шьет в пальцах.

Руперт. Правду сказать, племянница, хотя тебе исполнилось уже двадцать лет, но ты все еще не довольно разумна. Как можно почтенное звание ювелира ставить на ряду с простым званием колбасника или трубочиста? Будь тебе известно, что более тридцати лет назад, как начал я каждый воскресный день, бывая в кирке, приносить господа богу благодарственные молитвы, за то, во-первых, что он сотворил меня немцем, во-вторых, что судил быть мне ювелиром, а не кем-нибудь другим, в-третьих, что соблаговолил даровать мне возможность рассуждать здраво о политике! Видишь ли, сколько во мне одном высоких преимуществ, а ты неразумная...

Розина. Оставьте меня при моем неразумии, и это мне будет очень приятно, ибо вы вместе с тем оставите смешное желание – иметь меня своею женою. Посудите сами – мне только двадцать лет!

Руперт. Тем лучше! и мне не менее пятидесяти. Посуди ж, какая милая пара! я тридцатью годами тебя старше, а потому в тридцать раз умнее. Что этого лучше?

Розина. Не может быть хуже! я – по вашим же словам, – выхожу глупее вас в тридцать раз. Что ж вам со мною делать?

Руперт. Это уж не твоя забота!

Розина. Вы очень бережливы, а я чрезмерно расточительна.

Руперт. Мой долг будет и тебя научать бережливости.

Розина. Я совсем не пойму вашего учения.

Руперт. Я немец, следственно самое терпеливое животное. Как посидишь у меня день-другой на хлебе и на воде, так на третий с особенным вкусом покушаешь румфордского супу.

Розина. Но если вы такой заклятый немец, то для чего не жалуете вашего биргер-клуба?

Руперт. Терпеть не могу! там столько повес обоего пола, что совершенно нельзя заняться политическим разговором. Есть, правда, и там изрядные политики, как то: каретник Ульрих, столяр Бертольд, шорник Фабиан и некоторые другие почтенные люди, но зато превеликая пропасть бухгалтеров с контор здешних купцов и погребщиков, так что размигнуться с ними нельзя. Они-то лютые мои злодеи! в политике сущие невежды, и ни о чем не говорят, кроме похабства, ничего не делают, кроме волокитств разного рода. Сколько невест перебили у меня эти проклятые!

Розина. Позвольте спросить, дядюшка, как будет по вашей политике: если мне запрещается кого-нибудь любить, то позволяется ли в то же время другого не любить?

Руперт. Здравая политика отнюдь тому не противится. Люби, кого хочешь, а повинуйся, кому должно.

Розина. Согласна! вы получили от отца моего при кончине наличными деньгами тридцать тысяч рублей моего приданого. В этом вы не отопретесь, ибо есть свидетели. Возвратите мне мои деньги и женитесь, на ком угодно, а я за вас ни за что не пойду, потому что не люблю политиков.

Руперт. Разве я просил, чтоб ты меня любила? Довольно и того, что будешь моею женой и исполнять мою волю. Любовь в женитьбе – дело постороннее.

Розина. А для меня весьма не постороннее. Чтобы вам сделать ответ однажды навсегда, скажу, что я давно уже влюблена, и не в вас, дражайший дядюшка!

Руперт. А мне какая до того надобность? Я сказал уже: люби, кого хочешь, а будь послушна мне! добрый немец в таких случаях великодушнее самого великодушного из всех народов в свете. Лишнего я не требую! Ты не хочешь иметь меня мужем, – дельно! но я хочу иметь тебя женою, – законы этому не противятся, и ты, по завещанию покойного моего брата, а твоего отца, непосредственно зависишь от моего произвола. Итак, было б тебе известно, что завтрашний день ты будешь моею любезною женою!

Розина. Скорей утоплюсь в Мойке!¹

Руперт. О! в таком случае и пастор венчать не станет. Немецкие духовные все вообще преразумные люди. Если ж не утопишься, то будешь за мною.

Розина. Так не хочу же умирать назло вам. Буду жить, и – не вашею женою.

Руперт. Пустяки! и не заметишь, как обвенчают!

Розина. Но что вам приятности, если я на первом бале в биргер-клубе встречусь с моим любовником, и...

Руперт. Этого-то не будет, потому что ты никогда не будешь в клубе. А хотя бы и случилось, так разве я первый буду из политиков, которого жена обманывает? От этой беды никто не умирает, а особливо из немцев.

Розина. Ну, не совестно ли вам, дядюшка, что вы честную девку, да еще и близкую родственницу, с намерением хотите сделать – ах! стыдно и выговорить!

Руперт. Что? С чего ты это взяла? Я желал бы видеть тебя целомудреннее всех Сусанн^[1] на свете. Впрочем, если ты и впрямь станешь упорствовать и не соглашаться на благие мои намерения, так по мне с богом, хоть на все на четыре, и вешайся на шею, кому хочешь.

Розина. С радостью, эту ж минуту! отдайте мои деньги!

Руперт. О, о! нельзя ли потише? Первое: ты не знаешь счетов моих с покойным братом, а сверх того не рассудила, чего ты сама мне стоишь!

Розина. Что это значит? Вы хотите отпереться в деньгах моих? Возможно ли? Ведь я была уже пятнадцати лет, как лишилась батюшки, и очень помню последние слова его, в коих изъяснялся прямо, что оставляет мне, собственно мне, тридцать тысяч рублей. Это было при вас; для чего вы тогда не упомянули ему о своих счетах?

Руперт. Здравая политика не позволяет оскорблять умирающего. А притом не припомнишь ли, – ибо, как видно, ты имеешь острую память, – говорил ли отец твой: любезная дочь! живи у дяди даром; ешь и пей даром; учись брэнчать, прыгать, горланить – все даром, Розинушка, все даром! а? Он это говорил тебе? притом, я думаю, ты сама знаешь, чего ныне стоят проклятые певуны и скоморохи! а щегольство-то что? Силы небесные! сколько денег потрачено на ленты, снурки, шляпки, башмачки и прочие необходимые вздоры. Коротко сказать, душа моя, я, предложив тебе свою руку по родству, хотел тебя осчастливить.

Розина. Спасибо, дядюшка, за такую родственную любовь! прекрасный счет! – нет, милостивый государь! я уже не дитя и различать правду от нелепицы сколько-нибудь умею. Возможно ли, чтобы я прожила в пять лет столько денег! С вас довольно и одних процентов. Ведь здесь город, а не пустыня, и есть люди, кои судят о делах по законам.

Руперт. Ба, ба! ты, кажется, начинаешь грозить! посмотрим, поглядим!

Берта (горничная девка быстро входит). Поздравляю вас, господин Руперт, я принесла вам хорошие вести. Посмотрю, чем-то вы меня подарите!

Руперт. Все дарить, да дарить! это самое глупое обыкновение! – Какие ж вести?

Берта. У нас в передней стоит молодой, статный, пригожий господин и называет себя Мнлоном.

¹ Один из каналов в С.-Петербурге. (Примеч. Нарезного.)

Руперт (вскакивает). Слышишь, Розина! сей час убирайся в свою спальню; – а чего этот господин от меня хочет? В эту пору добрые люди, поевши порядком, курят табак и отдыхают. Пусть придет в другое время.

Берта. Очень хорошо. Только он верно больше не придет.

Руперт. А почему?

Берта. Потому, что кто покупает брильянтовых вещей на знатную сумму и на наличные деньги, тот везде найдет ювелиров.

Руперт. Что? на знатную сумму? на наличные деньги? Скорей проси сюда, скорей! (Берта уходит.) А ты, Розина, вон, сен час!

Розина. Это весьма неучтиво, дядюшка! что может незнакомый господин мне сделать? Это значит ревновать прежде времени.

Руперт. Не ревновать, а знать политику, как поступать с женщинами. Поди, поди!

Розина. Да вот и господин! (Милан с Бертою входят.)

Руперт. Этакая упрямая! постой! – Прошу покорно сюда, милостивый государь! садитесь на софу, да поговорим о нашем деле. (Тихо.) Розина! (Мигает, чтоб ушла.)

Розина (громко). Что вам угодно?

Милан. Мы, сударь, дело наше кончим в два мига. Мне сказали, что вы искуснейший ювелир во всем городе.

Руперт. По крайней мере не слыхал, чтоб был кто меня искуснее.

Милан. Вы также отлично занимаетесь политикою.

Руперт. Кто вам об этом сказывал?

Милан. На что сказываться имею особенный дар от неба, что могу узнать политика за полверсты – не говоря с ним ни слова.

Руперт. Мудрено! Однако что наше дело?

Милан. А эта прелестная девица не дочь ли ваша?

Руперт (сухо). Нет, сударь.

Милан. Так супруга?

Руперт (с досадою). Нет еще.

Милан. Э! постойте! вы не знаете, что я не только великий политик, но не меньше того и хиромантик. Позвольте, красавица, вашу ручку!

Розина. Извольте! (Милан, взяв ее за руку, искусно вручает письмо.)

Руперт (сердито). Что это? Разве так ныне хиромантики узнают правду? Не трудитесь, сударь! это Розина, моя племянница, которой я теперь опекун, а вскоре буду коечто и более.

Милан. Постойте, сударь, я сей час отгадаю! вы хотите быть ей супругом! так! моя политика не лжива. Она точно такова, как знаки показывают. Это сей час можно было отгадать. Когда она на вас взглянет, то так любезно улыбнется, тако мило, что я...

Розина. Вы, сударь, умеете льстить приятно.

Руперт (запальчиво). Замолчи, беспутная, и сей час вон; а вас, милостивый государь, прошу покорно начать о деле; если же оно так обширно, как видно из предисловия, то мы не приведем его в действие и в десять лет. (Тихо, Разине.) Если ты сей час не уйдешь, то я вытолкаю в шею.

Розина. Слышу, дядюшка! Берта! поди, да поскорее приготовь кофе и две трубки с табаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...целомудреннее всех Сусанн... – Согласно ветхозаветной книге пророка Даниила, Сусанна, жена Иоакима, отличалась редкой красотой и целомудрием.